

Александр Костерев

Главы из романа, которого не было...

Л. Н. Толстой по историческим следам декабристов

Интродукция

В конце 1855 года Лев Толстой после участия в Крымской войне прибыл в Санкт-Петербург, а 26 августа (7 сентября) 1856 года, в день своего коронавания, император Александр II помиловал всех декабристов, возвращение которых из сибирской ссылки вызвало повышенный интерес различных общественных слоёв к осуждённым, тем более что за границей и в русской печати с середины пятидесятых годов стала появляться обильная мемуарная литература о событиях декабрьского восстания.

Лирический период в литературной истории декабризма к началу шестидесятых был логично завершён Н. А. Некрасовым — последним автором, который развернул эту тему в стилистических приёмах позднего романтизма. Излюбленный эпитет, украшающий фразеологию этих романтиков, — «святой» — неизменно использовался в изображении как признанных вождей, так и рядовых участников восстания. Иконописный лик декабриста, дорогой и близкий либеральному обществу, начал тускнеть, дополняться «живыми», порой обывательскими чертами в попытках вернуть декабристов с романтических высот на грешную землю, наполненную житейской обыденностью, а повествованию придать более взвешенный, созерцательный оттенок, отшлифованный и смягчённый давностью минувших дней.

Осенью 1863 года Толстой начинает собирать материалы для «романа из времени 1810–1820 годов» и делать первые наброски, о чём напишет в письме к А. А. Толстой [6, с. 382].

Судя по ранним версиям сохранившихся отрывков романа «Декабристы», Толстой в качестве главного героя вывел образ декабриста, вернувшегося из ссылки, однако этот образ не несёт следов героической «святости». Перед читателем предстаёт состарившийся высокородный дворянин, сохранивший черты былого княжеского величия, родовое и генетическое наследие которого не смогли изменить долгие годы каторги и ссылки.

Сохранившиеся тексты романа «Декабристы» представляют собою не только опубликованные Толстым три первые главы романа, написанные осенью 1863 года, но и четыре рабочих «плана»,

заготовки «начал», дающих в общей сложности семнадцать возможных вариантов. Первые публикации документов находим в собрании сочинений 1936 года, дополненные подготовительными записями Толстого к роману [4, с. 7].

Роман начинается блистательным ироничным заключением:

«Сколько их наехало теперь, этих сосланных! — заметил другой. — Право, их меньше, кажется, было сослано, чем вернулось» [4, с. 19]. «Теперь тебя на руках носить станут. Такая мода. Вы теперь все в моде. Да, да, я по глазам вижу, что ты такой же безумный, как был, — прибавила она, отвечая на его улыбку. — Удаляйся ты, Христом Богом тебя прошу, от всех этих либералов нонешних. Бог их знает, что они там ворочаются. Только всё это хорошо не кончится. А правительство наше теперь молчит, а потом придётся показать коготки; попомни моё слово. Я боюсь, чтоб ты опять не замешался. Брось это; всё пустяки. У тебя дети» [4, с. 36].

«Я, — сокрушался Толстой позднее, — не написал роман потому, что, стараясь создать его, невольно переходил мыслью к предыдущему, к прошлому своих героев» [6, с. 10]. Постепенно перед взором писателя раскрывалось многообразие источников тех явлений, которые он задумывал описывать: семьи, условия воспитания, общественное окружение избранных им героев. Наконец, Толстой добрался до времени войны с Наполеоном, которое изобразил в романе «Война и мир», в финале которого отчётливо прослеживаются признаки того напряжения, которое отразилось в событиях 14 декабря 1825 года.

Однако тема трансформации взглядов декабристов и собственных оценок декабрьских событий не отпускала Толстого, и спустя почти пятнадцать лет, в декабре 1877 года, он отправляется в Москву не столько для поиска гувернёра детям, сколько за новыми историческими документами для задуманного ранее романа [6, с. 400].

А в январе 1878-го он напишет своей тётке А. А. Толстой: «Я теперь весь погружён в чтение из времён 20-х годов и не могу вам выразить то наслаждение, которое я испытываю, воображая

себе это время. Я испытываю чувство повара (плохого), который пришёл на богатый рынок и, оглядывая все эти к его услугам предлагаемые овощи, мяса, рыбы, мечтает о том, какой бы он сделал обед. Так и я мечтаю, хотя и знаю, как часто приходилось мечтать прекрасно, а потом портить обеды или ничего не делать. Уж как пережаришь рябчиков, потом ничем не поправишь. И готовить трудно и страшно. А обмывать провизию, раскладывать — ужасно весело» [3, с. 199].

В роли повара от литературы, закупающего провизию для изысканного творческого обеда, Толстой снова поехал из Ясной Поляны в Москву, откуда 10 февраля писал жене: «Нынче был у двух декабристов, обедал в клубе, а вечер был у Бибинова, где Софья Никитична (рождённая Муравьёва) мне пропасть рассказывала и показывала... Завтра поеду к Свистунову, декабристу» [6, с. 400].

3 марта Толстой уезжает из Ясной Поляны на этот раз в Петербург, для посещения Петропавловской крепости. В Москве, где он пробыл проездом, вероятно, не более суток, Лев Николаевич снова встречался с декабристами. «Поехал к Свистунову, у которого умерла дочь, — пишет жене Толстой, — и просидел с ним 4 часа, слушая прелестные рассказы его и другого декабриста Беляева» [там же, с. 400].

Только встречами и разговорами общение Льва Николаевича с декабристами не ограничилось: между ними завязалась переписка. Письма Толстого к П. Н. Свистунову опубликованы, письма же Толстого к А. П. Беляеву остаются неизданными, до настоящего времени неизвестно, где они находятся и сохранились ли. Письма Свистунова и Беляева к Толстому в настоящее время хранятся в архиве Толстого в Публичной библиотеке имени Ленина в Москве. Писем всего девять: четыре от Свистунова и пять — от Беляева.

По свидетельствам декабристов

Первый корреспондент Толстого, Пётр Николаевич Свистунов, родился 27 июля 1803 года в старинной дворянской фамилии. В качестве члена Северного тайного общества Верховным уголовным судом был отнесён ко II разряду и за то, что «участвовал в умысле цареубийства и истребления императорской фамилии согласием, а в умысле бунта принятием в общество товарищей», был приговорён к бессрочным каторжным работам, а после смягчения приговора — к двадцати годам каторжных работ и вечному поселению. Впоследствии срок каторги был сокращён до десяти лет, и в 1836 году Свистунов вышел на поселение, прожил несколько месяцев в Иркутской губернии, откуда переехал в Курган. В 1841 году Пётр Николаевич был переведён в Тобольск. Здесь он поступил на государственную службу и, несмотря на незначительные должности, имел существенное влияние на местную администрацию. 26 августа 1856 года

Свистунов с семейством выехал из Тобольска в Россию, поселился в родовом имении в Калужской губернии, где в качестве члена Калужского комитета по улучшению быта помещичьих крестьян принимал деятельное участие в крестьянской реформе. В 1863 году Свистунов вернулся в Москву, где и скончался 15 февраля 1889 года, пережив всех своих товарищей, себя называя «последним декабристом» [3, с. 200].

Второй корреспондент, Александр Петрович Беляев, сын отставного офицера, служившего у графа Разумовского управляющим имением, родился также в 1803 году. По окончании Морского кадетского корпуса служил офицером фрегата «Проворный». За время службы Беляев побывал в портах Западной Европы и в Испании; не являясь членом тайного политического общества, под влиянием товарищей принял участие в восстании 14 декабря, за что и был осуждён по IV разряду к двенадцатилетней каторге и поселению в Сибири. В 1833–1840 годах Беляев жил на поселении в Минусинске, где с братом успешно занимался сельским хозяйством. В 1840 году был переведён рядовым на Кавказ, а в 1845-м — уволен в отставку. Не являясь крупным деятелем декабристского движения, А. П. Беляев особенной известности не приобрёл бы, если бы не его обширные воспоминания, заключающие в себе немало интересных бытовых деталей. Публикуя их в «Русской старине», М. И. Семевский писал в примечании от редакции: «Печатаемые ныне „Воспоминания“ Александра Петровича Беляева... указаны нам знаменитым писателем графом Львом Николаевичем Толстым. „Он же, — сообщал Беляев, — и поощрил меня к изданию этих воспоминаний, начатых много лет тому назад с единственной целью помянуть сердечным, благодарным словом всех тех, с которыми сводила судьба в различных обстоятельствах жизни и которых прекрасные, возвышенные чувства и добродетели восторгали меня и пленяли моё сердце“» [3, с. 204].

Скончался Александр Петрович в Москве в 1887 году.

Толстой, узнав о существовании воспоминаний А. П. Беляева, вероятно, ещё в свою февральскую поездку в Москву, 5 марта, взял у Александра Петровича первую часть воспоминаний, с которой и уехал в Петербург.

Круг общения Толстого с декабристами и их родными в период активного сбора воспоминаний, свидетельств и подготовки к сочинению романа был весьма широк. Кроме упомянутых выше П. Н. Свистунова и А. П. Беляева, в феврале 1878 года Толстой встречается с М. И. Муравьёвым-Апостолом [6, с. 373], в марте 1878 года в Туле — с Евгенией Ивановной Пушиной, дочерью декабриста И. И. Пушина, и Анастасией Кондратьевной Пушиной, дочерью К. Ф. Рылеева [там же, с. 400].

14 марта 1878 года Толстой напишет Н. Н. Стравову, что «весь ушёл в свою работу» над романом о декабристах и Николае I [там же, с. 400]. Встречи с декабристами Толстой продолжает до конца 1881 года.

В Алексеевском рavelине Петропавловской крепости

Как можно прочесть в письме Толстого к Свистуну, задумав изобразить декабристов в период заключения и их злоключений в Петропавловской крепости, Толстой в первую очередь заинтересовался личностью их главного тюремщика — коменданта генерала Александра Яковлевича Сукина.

В письме от 20 марта 1878 года Свистунов пишет: «Вы меня спрашиваете о коменданте Сукине. Мы его редко видели и, кроме официальных сношений, никаких с ним столкновений не имели. Он слыл строгим исполнителем своих непривлекательных обязанностей тюремщика. О душевных же его качествах или недостатках ничего не могу сказать. Не знаю, в каком сражении оторвана была у него нога, отчего он часто страдал, особенно в дурную погоду» [3, с. 201].

Известно, что Николай I давал Сукину прямые письменные указания относительно содержания арестованных по делу декабристов, в зависимости от результатов личных допросов, проводимых императором, и установленной им же степени тяжести (разряда) содеянного обвиняемым в ходе восстания. Записки Николая I, общим числом сто пятьдесят, не только сохранились, но и по личному почину Сукина были внесены в «Реестр Высочайшим собственноручным Е. И. В. повелениям, последовавшим на имя генерал-адъютанта Александра Яковлевича Сукина», опубликованный отдельным изданием в 1919 году [7, с. 7].

Например, после допросов Бестужева, Оболенского и Щепина император напишет:

«Бестужева по присылке, равно и Оболенского и Щепина велеть заковать в ручные железа. Бестужева посадить также в Алексеевский рavelин. 27 декабря 1825» [7, с. 8].

Совсем иное распоряжение последует в отношении декабриста С. Г. Краснокутского:

«Александр Яковлевич, прошу господина Краснокутского поместить у себя на квартире офицерской, не арестовывая, и позволить ходить по крепости, но не отлучаться, а за ним иметь присмотр. С.-Петербург, 27 декабря 1825» [7, с. 9].

В марте 1878 года Толстой приезжает в Петербург, знакомится с В. В. Стасовым, внимательно и в деталях осматривает Петропавловскую крепость [6, с. 400].

Верные спутницы декабристов

В качестве развития одной из сюжетных линий будущего романа Толстой собирает материалы,

касающиеся жён осуждённых декабристов. Во второй половине апреля 1878 года Толстой в письме к Свистуну напишет: «Тетрадь замечаний Н. Д. Фон-Визиной (жены декабриста М. А. Фон-Визина) я вчера прочитал невнимательно и хотел уже было её отослать, полагая, что я всё понял, но, начав нынче опять читать её, я был поражён высотой и глубиной этой души. Теперь она уже не интересуется меня только характеристика известной, очень высоко нравственной личности, но как прелестное выражение духовной жизни замечательной русской женщины, и я хочу ещё внимательнее и несколько раз прочитать её. На счёт исповеди, о которой вы мне говорили, я повторяю мою просьбу дать мне её. Простите меня за самонадеянность, но я убеждён, что эту рукопись надо беречь только для того, чтобы я мог прочесть её; в противном же случае её надо непременно сжечь» [3, с. 202].

Опрошение

В ряду планов романа «Декабристы» был у Толстого и замысел ввести в качестве основного героя или бежавшего из места ссылки декабриста, или лицо, близко стоявшее к декабристам, в крестьянскую среду. Уход представителя привилегированного, культурного класса в народные низы как вид наиболее решительного и последовательного «опрощения», тема, к которой Толстой неоднократно возвращался в своих произведениях, неотступно занимала его в период работы над «Декабристами». Отсюда интерес писателя к некоему Ф. А. Уварову (1780–1827), личности весьма примечательной — камергер, товарищ декабриста М. С. Лунина по Кавалергардскому полку, женатый на сестре его, Екатерине Сергеевне, участник наполеоновских войн, отчаянный дуэлянт, строгий помещик. Выйдя 7 января 1827 года из своего дома в Петербурге, Уваров бесследно исчез. Ходили слухи, что он утопился в Неве, но были толки, что он скрылся в Сибирь, где и проживал под именем старца Даниила. В письме от 25 декабря 1878 года Толстой писал Свистуну: «Работа моя томит и мучает меня, и радует, и приводит то в состояние восторга, то уныния и сомнения; но ни днём, ни ночью, ни больного, ни здорового, мысль о ней ни на минуту не покидает меня. Вы мне позволяли делать вам и письменные вопросы. Выбираю самые для меня важные теперь. Что за человек был Фёдор Александрович Уваров, женатый на Луниной? Я знаю, что он был храбрый офицер, израненный в голову в Бородинском сражении. Когда женился? Какое было его отношение к обществу? Как он пропал? Что за женщина была Катерина Сергеевна? Когда умерла, остались ли дети? На какой дуэли, — с кем и за что, — Лунин М. С. был ранен?.. Не вспомнится ли вам из декабристов какое-нибудь лицо, бежавшее и исчезнувшее?» [3, с. 203].

Ответом на эти вопросы и является письмо Свистунова от 30 декабря 1978 года: «Уваров известен был вспыльчивостью своего характера, командовал эскадроном в Кавалергардском полку и счёл за большое счастье, что пожалован был в камергеры. О существовании общества не ведал. Во время суда на циркулярный вопрос, сделанный всем подсудимым, Лунин заявил, что по духовному завещанию он передал своё имение двоюродному брату; Уваров, узнав о том, написал жалобное письмо государю, который велел ему сказать, чтоб он вперёд не смел бы так писать ему. Уваров, которому прозвище было черной, как истый царедворец, пришёл в отчаяние, вышел из дому и более не возвращался; слух пронёсся, что он, должно быть, утопился. На какой дуэли был ранен Михаил Сергеевич, не знаю. Из декабристов никто не бежал. О попытках; какие были, при свидании с Вами могу рассказать» [3, с. 202].

О таинственной личности Уварова повествует декабрист С. Г. Волконский, служивший одновременно с Уваровым в кавалергардах: «Уваров — добрый и честный малый, но с большими претензиями на ум и красоту, не без первого, но вовсе без последней, и очень обидчивый, что сообщало ему оттенок бретёра». «Бедовый он человек с приглашениями своими, — говаривал Денис Давыдов, — так и слышишь в приглашении его: покорнейше прошу вас пожаловать ко мне пообедать, а не то извольте драться со мною на шести шагах расстояния. Этот оригинал и пригласитель с пистолетом, приставленным к горлу, был, впрочем, образованный человек и пользовавшийся уважением» [1, с. 113]. В том же духе высказывается Н. Н. Муравьёв, упоминая в своих «Записках», что другом М. С. Лунина был ротмистр Уваров, «который, однако ж, сам имел знаки от поединка с Луниным, Уваров человек неприятного обхождения, отчего вообще не был любим» [1, с. 114].

Почти детективный финал

В январе 1878 года начало романа «Декабристы» было переписано Толстым в новой редакции; Толстой предпринимает в конце апреля поездку в Москву для рабочих встреч с декабристами и переговоров о новом издании собрания сочинений, а на одном из вариантов рукописи Толстым собственноручно поставлена дата — 6 мая 1878 года [6, с. 400].

В августе-декабре идёт интенсивная работа над «Декабристами». Из обширной переписки с Н. Н. Страховым узнаём о деталях этой работы: Толстой изучает творчество Кюхельбекера [3, с. 154], тетради Семевского и записки Бестужева, интересуется судьбой В. П. Ивашова, умершего в 1840 году, просит Страхова подключить к изысканию документов по делу декабристов В. В. Стасова,

как члена особого Комитета, образованного для собирания материалов для истории царствования императора Николая I [там же, с. 155].

«Если что есть или вы узнаете, ☒ напоминайте Толстой Страхову, ☒ пришлите мне, пожалуйста. Стасова, как члена Комитета Николая I, я очень прошу, не может ли он найти, указать, — как [кто] решено было повешения 5-х, кто настаивал, были ли колебания и переговоры Николая с его приближенными?» [там же, с. 155].

Основные сюжетные линии незаконченного романа, как и образы ключевых персонажей, с известной долей достоверности можно реконструировать по характеру вопросов, заданных писателем бывшим декабристам, и сохранившейся переписке.

Постепенно Толстой приходит к мысли, что роман не будет в полной мере отражать детали и причины декабрьского восстания без учёта подлинных архивных документов, и принимается за архивные поиски. Стасов соглашается передать под строжайшим секретом драгоценный документ — записку Николая I с решением по делу декабристов [там же, с. 177].

О продвижении работы над романом мы узнаём из письма Н. Н. Страхова — Л. Н. Толстому 11 октября 1878 года: «В газетах печатают, что Ваши „Декабристы“ появятся в журнале „Русская речь“, новом журнале, издаваемом Навроцким» [там же, с. 190].

Однако все попытки Толстого увидеть и прочесть подлинные дела декабристов терпят неудачу. 23 января 1879 года Н. Н. Страхов пишет Л. Н. Толстому: «Дело декабристов — недоступно. Но его видели два человека: историк М. И. Богданович, так справедливо Вами не любимый, и какой-то Дубровин (?). А. Ф. Бычков обещал мне обратиться к нему и попробовать что-нибудь вытянуть» [там же, с. 207].

О получении разрешения ознакомиться с делом декабристов Толстой просил и графиню А. А. Толстую, но и она не достигла успеха, получив отказ напрямую от шефа жандармов А. Р. Дрентельна, о чём сообщила Толстому [5, с. 207].

Н. Н. Страхов в письме Л. Н. Толстому в феврале 1879 года напишет: «Ещё меня очень заняла мысль о подлинном деле декабристов. Оказывается, что его рассматривали Богданович, покойный Д. А. Кропотков и неизвестный мне генерал Дубровин. Если так, то отчего же и Вам нельзя посмотреть? Бычков говорит, что это делается не иначе как с личного разрешения Государя и что, кажется, всего удобнее обратиться к Наследнику. Я, впрочем, добьюсь, как сделал Кропотков» [5, с. 208].

Если принимать во внимание внутрисполитическую обстановку в России в 1879 году, то её можно оценить как крайне тревожную и нестабильную. В феврале был убит князь Кропоткин, вскоре за этим — полицейский агент Рейнштейн в Москве,

и, наконец, 13 марта этого года жертвой польского террориста едва не стал шеф жандармов А. Р. Дрентельн во время его проезда в карете вдоль Лебязьей канавки. Желание чиновников не будоражить общественное мнение ярким воспоминанием о декабристах в контексте этих событий представляется весьма понятным.

19-24 марта Толстой предпринял очередную попытку и отправился в Москву для изучения документов в Архиве министерства юстиции.

С. А. Толстая в записи от 8 января 1878 года «Мои записи разные для справок» отмечает новый поворот в замыслах Толстого. «„Со мной,— писала Софья Андреевна,— происходит что-то похожее на то, когда я писал „Войну и мир“,— сказал мне сейчас Лев Николаевич с какой-то полуусмешкой, отчасти радостной, отчасти недоверчивой к словам, которые он сказал.— И тогда я, собираясь писать о возвратившемся из Сибири декабристе, вернулся сначала к эпохе бунта 14-го декабря, потом к детству и молодости людей, участвовавших в этом деле, увлёкся войной 12-го года, а так как война 12-го года была в связи с 1805 годом, то и всё сочинение начал с этого времени. И это у меня будет происходить на Олимпе, Николай Павлович со всем этим высшим обществом, как Юпитер с богами, а там, где-нибудь в Иркутске

<...> переселяются мужики, и один из участвовавших в истории 14-го декабря попадает к этим переселенцам—и простая жизнь в столкновении с высшей“. Я спросила: „Как же это?“ Он говорит: „Если б я знал—как, то и думать бы не о чем“. Но потом прибавил: „Вот, например, смотреть на историю 14-го декабря, никого не осуждая, ни Николая Павловича, ни заговорщиков, а всех понимать и только описывать“» [4, с. 473].

В этой записи примечательны указания на замысел Толстого противопоставить в романе жизнь правящих кругов, «Олимп», жизни народных низов и на стремление изображать события и характеры в свете того религиозного мировоззрения, которым в это время всё больше и больше проникается Толстой.

К сожалению, этой замечательной идее не дано было осуществиться—17 апреля 1879 года Толстой напишет Фету, что работа над романом из эпохи декабристов им совершенно оставлена: «Декабристы мои Бог знает где теперь, я о них и не думаю, а если бы и думал, и писал, то льщу себя надеждой что мой дух один, которым пахло бы, был бы невыносим для стрелявших в людей для блага человечества. Как правы вы и мужики, что стреляют господа, и хоть не за то, что отняли, а потому, что отняли мужиков» [2, с. 473].

Библиография

1. *Кудряшов К. В.* Александр I и тайна Фёдора Козьмича / К. В. Кудряшов.— Петербург: Время, 1923.—168 с.
2. Не могу молчать! Избранные произведения Л. Н. Толстого.—СПб: Ясная Поляна, 1911.—736 с.
3. Тайные общества в России в начале XIX столетия. Сборник материалов статей и воспоминаний. Историко-революционная библиотека журнала №1 «Каторга и ссылка». Книга XIII.—М.: Издательство всесоюзного общества политических каторжан и ссыльнопоселенцев, 1926.—215 с.
4. *Толстой Л. Н.* Полное собрание сочинений. Том 17.—М.: Художественная литература, 1936.—812 с.
5. Толстовский музей. Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым. Том II. 1870–1894.—СПб: Издание Общества Толстовского музея, 1914.—478 с.
6. *Толстой Л. Н.* Полное собрание сочинений. Том 48. Дневники и записные книжки 1858–1880.—М: Государственное издательство художественной литературы, 1952.—478 с.
7. *Щёголев П. Е.* Николай I и декабристы.—Петроград: Былое, 1919.—63 с.